

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

The book cover features a stylized illustration in a high-contrast, posterized style. The background is a deep blue, with silhouettes of buildings and industrial chimneys. In the foreground, a man in a dark jacket and light shirt is shown in profile, looking towards the right. Behind him, a woman with long blonde hair in a patterned dress looks on with a concerned expression. To the left, another man in a cap and uniform stands with a stern look. The entire scene is overlaid with a network of white diagonal lines that create a sense of tension and complexity.

НЕ ВРЕМЯ УМИРАТЬ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман

Валерий Шарапов
Не время умирать

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Не время умирать / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2024 — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман)

ISBN 978-5-04-216827-7

В послевоенном Подмоскowie объявился маньяк. Своих жертв, девочек-подростков, нелюдь убивает с особой жестокостью: выкалывает глаза, разрезает рот, после чего душит. В лапы убийцы едва не попала и пионервожатая Оля, случайно оказавшаяся в лесу. Только чудом девушка осталась жива. Ее друг Колька Пожарский горит желанием лично поймать преступника, который мерещится ему на каждом шагу. Он готов сидеть вместе с милицией в засадах, участвовать в облавах, преследовать подозрительных типов. Но убийца всякий раз остается невидимым и неуловимым. Юный сыщик уже близок к отчаянию, когда судьба предоставляет ему реальный шанс остановить зло... Атмосфера становления послевоенного поколения, близкая многим читателям, когда пьянит дух молодости и свободы. Когда от «все можно» до «стой, стрелять буду» – один шаг. Криминальные романы о времени, память о котором до сих пор трепетно хранится во многих семьях. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Прощай, шпана замоскворецкая». «В романах Валерия Шарапова настолько ощутимо время, что кажется, еще немного, и ты очутишься среди героев этих книг – невозмутимых следователей, коварных преступников, перепуганных граждан. А отчаянные сыщики примут тебя за своего и немедленно возьмут на очередную опасную операцию...» – Сергей ЗВЕРЕВ, автор боевых романов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216827-7

© Шарапов В. Г., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Часть первая	15
Глава 1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Георгиевич Шарапов

Не время умирать

© Шарапов В., 2024

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Колька Пожарский, похватав вхолостую воздух, спросил таинственно-плотоядно:

– Итак, Гладкова, мы одни в темной комнате. Что делать будем?

Невидимая Ольга фыркнула и довольно ловко огрела парня по рукам:

– Не глупи. Лучше глянь кругом: как вообще, свет ниоткуда не пробивается?

Причина, по которой рано утром в субботу эти двое оказались в школе, да еще и в полной темноте, была такова. Накануне завершили показательный смотр строя и песни дружины. Запечатлевая его для истории, Оля добила пленку в общественном фотоаппарате «ФЭД». Теперь предстояла ответственная работа: не имея ни малейшего опыта, извлечь пленку так, чтобы не засветить, и проявить негативы так, чтобы не напортачить, иначе нечего будет вклеить в стенгазету.

Это будет дебют, к тому же в только что оборудованной фотолаборатории.

Директор школы, Петр Николаевич Большаков, неоднократно напоминал о том, что от сердца оторвал шикарное помещение под фото, а где результаты? Так ведь пустая комната не может считаться лабораторией, как минимум часть помещения должна быть темной! Позабыл он, что ли? Робкие намеки Оли на то, что нужны к тому же столы, лампы, кюветы, оборудование, – принимались с ледяной холодностью и оставались без внимания.

Пришлось выкручиваться своими силами. И три недели кряду Колька на пару с Пельменем или Анчуткой – в зависимости от того, кто филонит на этот раз, – занимались полной хреновиной, в собственное свободное время оборудуя фотолабораторию. Яшка, признанный спец в отделке, лично законопатил все щели, тщательно выровнял, загрунтовал, выкрасил стены и перегородки в безукоризненный черный цвет. Пельмень достал лампы – простую и красную, проложил направленный свет. Колька сколотил два стола – один для проявки, другой для зарядки кассет, фотопечати и увеличения. Уже коллективно, изрыгая проклятия, изучали запутанные чертежи диковинных приборов. Мучились довольно долго, пока Колька, потеряв терпение, не сделал так, как видел на фотографиях, а не так, как накалякано криворукими на чертежах. На удивление, тот же стол-ванна для проявки получился на ять, не хуже того, что в книжках. Отпарафинили как следует все щели, стыки дна, стенки – хоть рыбок запускай.

Запустили Ольгу, принимать работу. Тут попутно выяснилось, что эта хитрованка, которая все время ходила с умным видом, тыча пальцем туда-сюда, неодобрительно цокая языком, сама понятия не имела, что делать со всеми этими штуками. Книжечек начиталась! Нахваталась по верхам и на этом ветхом основании строила из себя фотолюбителя. Но поскольку девушка она хорошая и воспитанная, то от души всех поблагодарила.

– Спасибо не булькает, – пошутил было Анчутка, но, получив по сусалам (словесно), благовоспитанно сказал: – Пожалуйста, всегда рады помочь.

Вот, работы закончились. И вот теперь на Николая возложена особая миссия. Он должен придавать смелости и бодрости товарищу, которая впервые в жизни будет проявлять пленку с кадрами, фиксирующими для вечности (и райкома комсомола) достижения пионерской дружины школы № 273. Пожарский посмел было заикнуться о том, что было бы куда проще и надежнее съездить в фотоателье, но Ольга возмутилась и понесла ужасную чепуху о самостоятельности, небоязни ответственности. Пришлось заткнуться.

Впрочем, и ему довелось потрудиться не только моральным ободрятором. Он под путанным, невнятным Ольгиным руководством сматывал в «Феде» пленку, потом извлекал ее – сама Гладкова трусливо избежала этой ответственности.

– Задняя крышечка неплотно прилегает, – мямлила она, – ты уж постарайся.

Далее на пару химичили, подбирая и заливая колдовские настои, все эти проявители-фиксажи. Гладкова, нервничая, особо трепетно настаивала на кристальной чистоте рук и точности:

– Триста кубиков! Не больше!

Наконец Колька с облегчением вручил ей наполненный бачок и попытался смыться – но ничего не вышло, она требовала его дальнейшего присутствия.

И вот они вдвоем в темной комнате. Ольга, пропищав благословение сомнительно-поповского содержания, принялась сматывать пленку.

Вообще, как следовало из книжек по фотомудрости, надо было предварительно обкатать эти умения на куске испорченной пленки, но таковой не оказалось. Витька Маслов, стараниями которого «Федя» появился у Ольги, содействовать отказался: «Поддай вам фотоаппарат, поддай вам и порченной пленки! Не желаете ли навоза на лопате?!»

Понадеялись на Ольгины навыки работы вслепую, приобретенные в бытность юным стрелком. Она шуршала в темноте, Колька стоял паинька паинькой, придавал уверенности и болел за нее душой. В темноте слышались признаки того, что и эта важнейшая операция удавалась. Колька издал ободряющий возглас и продолжил ободряюще же стоять. Сосредоточенное шуршание и много еще переживательных моментов пришлось вынести. Но вот Оля наконец объявила, что все получилось и можно извлекать. Теперь она с важным видом протирает пленку ветошкой.

– Ух ты. И чего, можно смотреть?

Она солидно заявила:

– Нет, сначала надо высушить. – И пристроила свою драгоценную дебютную пленку в сушильный шкаф, сколоченный и оборудованный Пельменем.

– Долго ли?

– Часа четыре.

– Времени много. Может, пойдем погуляем? Или искупнемся?

Ольга заметно колебалась. Колька решил, что она боится замерзнуть, и внес поправку:

– Или позагораем?

Она призналась:

– Ужас как интересно, что получилось. Наверно, можно и не четыре часа ждать. Посидим тут?

...Гоняли чай с баранками, делились новостями.

У бедной Ольги они снова были не особо радостными. Сменилась третья секретарь райкома комсомола, которая как раз курировала пионерские дела. По слухам, теперь это ядовитая тетка с претензиями, причем питает особо нежные чувства к книгам. Но не в хорошем смысле, а мечтает перетрясти все школьные библиотеки на предмет вредоносной литературы.

– Какой-какой?

– На иностранных языках или какой-нибудь что-то искажающей.

– Ага. С чего вдруг сейчас?

– Говорят, какой-то циркуляр спущен о том, что надо всю неодобренную литературу куда-то сдать с рук долой по описи.

– Это понятно. Почему ищут вредоносное в школьных библиотеках? Негде больше?

Ольга скривилась:

– До других-то мне какое дело? А у нас сомнительное имеется, и премного.

– Это которые от эвакуированных остались.

– И эти тоже, – обтекаемо отозвалась Ольга. Не станет же она признаваться, что самолично пополняла фонды сомнительной литературой, рыская на Кузнецком Мосту.

– Который год ты их выкидываешь, никак не докинешь.

– Ну сразу ерничать. У меня рука не поднимается.

– Велика печаль – макулатура!

– Да выкинуть-то нетрудно, а где потом брать?

– Тебе-то зачем?

– Затем, – назидательно заявила Гладкова, отбирая у него третью баранку. – Литература на иностранном языке весьма полезна. Прочитывать страницу-другую увлекательного текста – лучший рецепт для поддержания интереса к предмету...

Колька заинтересовался:

– Кто тебе такой лапшень на уши навесил? Кой смысл читать, если не понимаешь смысла?

Оля открыла рот для ответа, потом до нее дошло, что в словах любимого человека рациональное зерно присутствует. Закрыла. Глянула строго-вопросительно. Колька пояснил мысль:

– Я имею в виду, что правильно решили наверху. Порядок и в книжках нужен. Пусть заберут от греха подальше, проверят с академиками, переведут на русский, а уж потом пусть детки хоть до дыр зачитают.

Ольга прищурилась:

– Это ты-то толкуешь о порядке?!

– Толкую, – признал он. – А чем недовольна-то? А еще будущий педагог.

Гладкова надулась и замолчала. Колька, втихую насладившись триумфом, примиряюще возобновил беседу:

– Пес с ними. Между прочим, знаешь, кто к нам вернулся?

– Кто же?

– Алька Судоргин!

Оля удивилась:

– Ну надо же! Я думала, его папа уже где-нибудь так высоко, что отсюда не видать.

– Вот нет, въезжают. Сам видел, когда к тебе сюда шел. Как раз с подводы сгружали пианино. Мама и бабуля бегают-суетятся, а Алька, представь, помогает ломовикам!

– Алька? Ломовикам? Ври больше.

Алька, старый знакомый, бывший Колькин одноклассник, в жизни ничего тяжелее ложки с кашей не поднимал. Единственный сыночек и внучок, чахлый, сызмальства в шальях и платках, до бровей накачанный рыбьим жиром, с пяти лет в музыкальной школе – и на тебе!

Однако Колька настаивал:

– Именно Алька, и на самом деле помогал. Честно пытался. Ничего, физкультуркой годик-другой позаниматься, и с десятков кило прибавит – и будет окончательно нормальным человеком. Хотя что я, он по умственной части. Ну, обнялись, поболтали...

– Чего это они вернулись, где пропадали?

Колька, припомнив, признал, что Алька как-то смутно об этом говорил:

– Дядю Борю перебросили на другой фронт, что ли. Честно сказать, я не вникал. Зато вот! Вашего халдейского полку прибыло: он в педучилище учится, на заочном.

– Здорово, молодец. А вроде в филологи хотел.

– Он и теперь словами сыплет, правда, какими-то странными. Поспрашивал о судимости с таким умным видом да как начнет сыпать: «ходатайство», «надлежит», «обязуется» и прочее в том же духе.

– Разносторонне развитая личность, – рассеянно заметила Оля и, спохватившись, глянула на часы: – Ой, уже можно, как думаешь?

– Почем мне знать?

Она, не слушая, бормотала что-то про чувствительность, пробу ногтем, толщину эмульсии, произносила какие-то заклинания, а сама, как опасливая ворона, подкрадывалась к шкафу с пленкой все ближе и ближе. Хмуря брови, что-то приговаривая, то тянула к нему руки, то, снова взглянув на часы, отдергивала, точно обжегшись. Снова тянула, вновь отдергивала. Наконец, решившись, открыла шкафчик, извлекла пленку.

Стало неловко, точно подглядываешь за чем-то важным и сугубо личным делом – Колька и отвернулся и сидел, старательно глядя в стену, пока дрожащий, ломающийся голосок Оли не позвал:

– Коля. Тут что-то... жуть какая.

Руки у Ольги тряслись, и, чтобы рассмотреть один из кадров – их было несколько, почти что одинаковые, – пришлось самому взять пленку. Черт его знает что тут. Это ж негативы, все перевернуто: черное – белое, белое – черное, к тому же снято не особо ясно, местами расплывчато.

И все-таки видно, что какая-то кукла-негритянка лежит на траве. Колька почувал гадливость, и, признаться, у него поджилки затряслись. Большая кукла, голая, ноги бесстыдно вверх, и то место, которое должно было быть закрыто трусами, истыкано чем-то острым. Белые волосы веером, брошен на них какой-то цветок типа василька, их много растет по обочинам. Оба глаза выдавлены, а на месте рта – дыра, скол от уха до уха.

«Ну, поглумились и бросили, что тут такого? Просто кукла», – подумал Колька и нарочито грубовато, подтрунивая, спросил:

– И что с того, чего ты-то раскисла? Игрушка же.

– Игрушка, – подтвердила Оля, с трудом передохнув, – только зачем же так? Красивая и как живая, образ же человеческий.

Последнее слово она произнесла так, что Колька понял – готово дело, сейчас дождь начнется. Сурово призвал к порядку:

– Оставь детство. Это не живой человек, всего-навсего кукла. Глупые дети игрушкам головы отрывают, выкручивают руки-ноги. Что ж теперь, по любому пупсу рыдать?

– Оно дело – просто ломать. Так не выкалывают же глаза, не бьют, не колют, да еще где. Все, беда на подходе. Колька уже слышал в ее голосе слезливые нотки.

– Так, закрыли тему. – И, отобрав у нее злосчастную пленку, повесил обратно в шкаф. После чего, обняв, повел прочь из лаборатории домой. Какие уж тут купания?

Ему и самому стало не по себе от этой дурацкой картинки. В войну насмотрелись потерянных игрушек, но – и Колька это отлично помнил – все к ним относились как к детям. Нежно то есть. Одна потеряла – вторая подобрала, вымыла, косичек наплела, обшила.

«И кукла-то какая красивая, видно, что дорогая. У кого рука поднялась?»

...Проводив любимую плаксу домой, Колька понял, что надо заглянуть в фабричную общагу.

В комнате, где обитали Пельмень и Анчутка, вполне ожидаемо оказался домосед Андрюха, паяющий у окна очередную штуку. Не отрываясь от раскаленного жала, придавая шву одному ему видимое совершенство, поприветствовал:

– А, Никол?

– Здорово. – Колька пожал выдвинутый локоть.

– Как вообще жизнь-то? Рассказывай, – пригласил Пельмень и уточнил: – Там, под койкой, имеется.

Колька извлек банку, в которой плескалось на несколько стаканов «Жигулевское», и достал две плотвички. Выслушав историю про первую волнительную пробу их общего с Ольгой творения, Андрюха вынес из нее то, что было интересно ему:

– Годный сушильный шкафчик получился.

Колька сначала не понял, о чем речь, потом признал:

– Ну так неплохой.

Отхлебнув бодрящего напитка, Андрюха продолжил паять. Еще с четверть часа прошло, Колька, подумав, принял еще стаканчик. Хорошее пиво, прохладное, свежее.

– Судургины приперлись.

– Насчет Альки я знаю, – поведал Пельмень, – он и сам приходил вчера в кадры.

– Устраиваться? Зачем ему, он разве не учится?

– Учится он заочно, так что обязательно где-то надо трудиться, иначе попрут, – объяснил Андрюха, – сказал, что если в другом каком-то месте не оформят, то к нам. И подвалил, точь-в-точь как в детстве, возьмите, мол, в компанию.

– Да ладно, в общагу?

– В точности.

– Что-то дядя Боря скажет.

Пельмень, бережно установив паяльник на стойку, с наслаждением распрямился, потянулся:

– Ничего не скажет, Никол. Нету его уж.

Колька поперхнулся:

– Умер? Вот ведь, молодой ведь, мордастый, здоровый. Я и не думал...

– И он не думал. Отъехал он на курорт.

– То есть прямо на курорт¹?

Пельмень заверил, что именно так.

– Вот оно что. Тот еще жучара был, дай ему бог славной перековки.

Теперь неудивительно, что из Альки разные умные термины сыплются, было время послушаться-нахвататься.

Дядя Боря Судургин был снабженец до последней жилочки, еще во время войны развернулся, надо понимать, продолжил и после. На перепродаже продуктов, например, наживал по жирному.

– Помнишь, Алька спал и видел, как бы ему напакостить, экспроприировать награбленное? Небось теперь раскаивается.

Андрюха пожал плечами:

– Кто его знает? Он же такой, себе на уме. Вроде бы не жалуется...

Он еще что-то хотел поведать, но тут поскреблись в дверь, потом чуть приоткрыли ее и негромко, по-овечьи, кашлянули.

Колька удивился, глянул через плечо. Андрюха даже не чихнул в ту сторону, а произнес с таким видом, точно у него зуб болит:

– Да заходи уж. Чего?

В комнату проникла Тося Латышева, ударница и стахановка. Глядя чистыми глазками, держа под мышкой книгу, снова тихонько откашлялась и проблеяла:

– Здравствуйте, Николай. Прошу прощения. Андрюша, пойдем, пора.

– Куда еще в субботу? – не поворачиваясь, спросил Пельмень.

– Как же. У нас заседание общественности... по бригадмилу².

Колька погонял в ухе пальцем:

– По... чему-чему?

– Бригадмилу, – повторила Тося и покраснела.

– Вас что, опять на это дело подписали? – удивился Колька.

– Да этой лишь бы дома не сидеть, – пояснил Андрюха, точно они с Колькой тут одни. – Выдумывает себе занятия. А то у них там в комнате такая завелась, телка безрогая.

---

¹ Курорт – ИТЛ, колония (сленг).

² Бригадмил – общественные организации в СССР, оказывавшие помощь милиции в охране общественного порядка.

– Андрей, стыдно! – Тося попыталась укорить Латышева, косясь на дверь, но Пельмень хладнокровно отрезал:

– Вам всем должно быть стыдно с такой мымрой комнату делить. Я бы руки в ноги – и ходу, куда угодно. А ну как заразная?

Колька хотел было уточнить, что за живность у Тоськи завелась, но тут припомнил, как Анчутка рассказывал, дергаясь и озираясь, что теперь на девчачью половину – ни ногой, ибо там Милка.

Поведал Яшка и про то, как однажды ей комплимент отвесил:

– Думал, не спасусь. Угробил же заморское, до сих пор по ночам снится: свои лапищи ко мне тянет, а когти красные, как кровь с них капает. Она, понимаешь, в столовой работает то раздатчицей, то хлеборезкой. Когда очень торопишься отобедать, получить пораньше, нет-нет да глазки ей состроишь. Ну так один соорит, второй – вот она и вообразила, что все от нее тают. Я давно на девчоночью половину – ни ногой. Опасаюсь.

Колька, помнится, напугал:

– А ежели на улице подстережет?

Яшка, затейливо выпуская дым, успокоил:

– Не, на просторе я не боюсь. Там Светка.

– А что Светка-то?

– А вот сидим как-то на лавочке, Милка эта, видимо, где-то спиртяги понюхала – шасть ко мне и прям всей своей кормой плюх на коленки – аж хрустнуло.

– При Светке?!

– А то.

– И что ж она?

Яшка аж зажмурился:

– А она хворостину выломала да как треснет ей по ляжке, раз, другой, третий. И приговаривает так ласково: пошла, говорит, телка безрогая. Тебе таких стадо надо, а у меня он один, первый и последний.

Колька восхитился:

– Эва как. Одобряю.

Потом разговор зашел более научный: вот если, к примеру, Милку эту на бабника Цукера натравить, как кита на слона, – кто кого соборет? Яшка прикидывал шансы, а Кольке подумалось, что Милка очень на Анчутку обижена. Как же так – ни одной этот фертик не пропускает, а именно ею брезгует.

Получается, эта Милка в соседках у Тоськи. И, судя по всему, добрая Тоська пытается ее перевоспитать, потому и сейчас решительно заявила, что Милка тут ни при чем, Милка к делу никак не относится, и добавила назидательно:

– Не шельмовать человека надо, а образовывать! С тем и бригадмил, чтобы коллективно...

– Точно, – поддакнул Пельмень, – с вашей Милкой-нетелью лишь сообща можно сладить. К ней в одиночку никакой черт не решится подступиться, разве что совсем чокнутый.

– Андрей!

– ...Или голодный.

– Андрей же!

– Что? Я паяю.

– Нечего нагличать!

– И не думал. Это ты ругаешься.

– Нам не ругаться надо, а активно подключаться к решению вопроса о драках и прочих безобразиях! Потому я пытаюсь донести до общественности, что бригадмил исключительно нужен.

– Знамо дело.

– Мы же хозяева на фабрике!

– Кто ж еще.

Тося, багровея, не отступалась:

– На долю наших несознательных сотрудников приходится большая часть безобразий в районе. Общественность не имеет права стоять в стороне. Кому ж еще можно доверить...

– ...воришек, дебоширов, девок чокнутых, – завершил мысль Пельмень.

Латышева, чуть не плача, выкрикнула:

– Нет! Наша задача – повести за собой часть наших ровесников, которую мы называем неустойчивой, заинтересовать, отвлечь от плохого. Говорят, что человек прожил жизнь не даром, если он посадил дерево...

– Родил сына. Ну попытку-то сделал, – пробормотал в сторонку Андрюха.

– ...Если поможет снова встать на ноги оступившемуся человеку! – покраснев сверх меры, твердо закончила Тося.

Вот это комический номер. Колька искренне наслаждался и потому не без сожаления положил всему конец. Галантно полуобняв Латышеву, деликатно развернул ее к выходу:

– Обязательно придем, только вот сейчас допаяем!

– Да шнурки отутюжим, – добавил Пельмень, серьезный, как на собрании.

Выведя Тосю за порог, Колька тотчас залился горячим стыдом.

Милка-то, оказывается, все это время торчала в коридоре и, учитывая приоткрытую дверь, слышала все – если только не глухая. Тут еще, как на грех, Андрюха крикнул:

– И корове своей передай: еще раз на улице крашеную увижу – ацетоном морду ототру!

Колька сделал вид, что ничего не слышал, Мила – тоже, лишь поджала губы.

«Ну так-то, если ее в самом деле отмыть да переодеть... Нет, серьезно. Нарядная – жуть!

Глаза, положим, красивые, огромные, темные – точно как у коровы. Но так густо подмалеваны, что не поймешь, где кончается природный орган зрения и начинается нарисованный. С губами такая же история. На глупой голове – вавилон черных кос, как змеиное гнездо, как сваленные канаты. А уж расфуфырена – аж глаза режет! Вырез на кофте чуть не до пупа – это с утра-то! Чулки сеткой, юбка в обтяг, тьфу – да и только».

Тут до Кольки дошло, что невежливо просто стоять и пялиться, он поздоровался и сказал зачем-то:

– Простите.

– Ничего, – проговорила она, и они с Тоськой пошли прочь, как шерочка с машерочкой.

«А ходит-то – ну как груженная лодка. Так кормой виляет, что с непривычки и вытошнить может».

Пожарский с облегчением спасся обратно в комнату, дверь закрыл, послушал какое-то время и, когда шаги окончательно стихли, заржал сперва сдавленно, потом в голос.

– С чего вдруг? – флегматично спросил Андрюха, закуривая и выпуская дым в окно.

– Сил моих нет, – простонал Колька, вытирая слезы, – ты вот распинался про Милку, а она в коридоре паслась.

– Да и пес с ней. Будто сказал что-то неведомое – мымра и мымра. Пусть пойдет и кидается головой в навоз.

– И снова петрушка, бригадмил, едреньть! Вот свербит у них. Тоська, значит, вместо Маринки организывает мароприятия. Как ты с ней... того, общаешься?

– Ни того. Прошу без намеков! – потребовал Андрюха. – К тому же, если серьезно говорить, как раз с бригадмилом идея толковая.

– Да ладно тебе.

– Это ты просто не знаешь, что у нас тут творится.

«Ну началось». Пожарский давно уж понял, что, несмотря на постоянные Андриюхины язвы в Тоськину сторону, они оба – два сапога пара. Не могут отвернуться там, где это совершенно необходимо. Только Латышева бегает и призывает, а Пельмень – сидит, паяет и ворчит.

Похоже, приятель никак не раскачается, чтобы рассказать, в чем суть. Полагая, что Андрюха снова влез не в свое дело, наткнувшись на какую-то хозяйственную махинацию, Колька заметил:

– Что, снова что-то тырят?

Но, как выяснилось, Пельмень имел в виду иное. Он пояснил вполне серьезно:

– Ребята и девчата понаехали распушенные. И откуда они такие взялись? Вроде бы набор, сознательный люд, а приезжают в город – и как с цепи срываются.

– Так-таки все?

– Не все, но многие. Девчата вон штукатуруются, как в портовом кабаке, пацанва бухает, точно дома не нажрались. Порядочный люд на танцы теперь ни ногой. Ну а где кобеляж да водочка, там все, что угодно, может случиться.

Колька предположил, что друг сгущает краски.

– Что плохого в том, что народ в свободное время на свои кровные гуляет?

– Свои кровные, если излишки, домой надо отправлять да радоваться, что есть кому, – сурово заметил Андрей, – а не тратить на пагубу. Это всегда так: как только жирком обрастают – и тотчас безобразие.

– Ну, я думаю, не такое большое. У нас не разгуляешься.

Пельмень сплюнул за окно:

– Это у нас-то? Шутишь ты, что ли? В райотделе полторы калеки и дед одноглазый, куда им везде поспеть.

Колька, изобразив энтузиазм, поторопил:

– Так что сидишь-то? Пошли народ образовывать?

– Я не могу. Я несознательный, – покаялся Андрюха и снова перескочил на другую тему: – А вот ты говоришь – кукла.

Пожарский чуть не поперхнулся:

– Это когда? А, да. Я забыл уж. Пустяк.

Но Андрюха продолжал вязаться:

– Говоришь – пустяк. А я вот, веришь ли, с войны на изуродованных пупсов смотреть не могу. Насмотрелся.

– Я тоже, – признался друг.

– Вот, и ты. И Ольга. И Светка. И Яшка. И Тоська. Это уж не вытравишь, всем вспоминается человечина искореженная. А тут, значит, кто-то деньги имеет...

– Это почему ж?

– У тебя есть фотоаппарат?

– Нет, зачем он мне?

– Я к тому, что вещь дорогая, не у каждого имеется. У этого забавника есть. И кукла... хорошая, говоришь?

– Красивая. Большая, волосы эдакие...

– Во-о-от, небось фарфор, вещь тоже недешевая. И вот, имея фотоаппарат, вместо того чтобы самолеты, птичек там фотографировать, футбол – надо сначала испортить дорогую вещь... не пожалеть времени, чтобы такое вытворить с бедным пупсом... да и не пупс. На человека похожа. Да еще на все это пленку тратить! Тьфу! – Андрюху передернуло. – Сей секунд шерсть по хребту поднимается.

Тут он, как бы спохватившись, перевел разговор на какую-то ерунду, и Колька засоби-рался домой. Прощаясь и пожимая руку, Пельмень все-таки снова вернулся к вопросу, кото-рый задел его за живое:

– Надо бы Витьку Маслова за жабры взять.

– За что? – удивился Колька.

– За жабры.

– Я к тому – по какой причине?

– Выяснить: у кого, жучара, сторговал «Федю».

– Зачем это?

– А для вообще. Для сведения. Такого выдумщика, с фантазиями, неплохо бы знать. Сначала котят вешают, а то вот кукла без глаз, без ног – и «чё такова», а потом и до людей доходит.

– Как дойдет до дела – так и возьмем, – утешил Колька. – Бывай пока. Тоська ждет, не забудь.

И, увернувшись от дружелюбного пинка, удалился.

Часть первая

На всю долгую одинокую жизнь он запомнил ее такой, какой увидел в первый раз. Прозрачное бледное личико, темная толстая коса, белая тонкая шея, большие оленьи глаза. Платье с аккуратно подшитым новеньким воротничком. Крошечные, отполированные ботиночки на маленьких же ножках, которые ступали легко, травы не приминая.

И футляр со скрипкой.

Парень возвращался с обхода, злой и усталый, а она стояла у пруда, который кликуши какие-то окрестили Чертовым. Держа под мышкой потертый темный футляр, она кормила пестренских уток, и птицы важно скользили по золотистой воде, соблюдая очередь, склевывали кусочки булки.

Парень был голоден как волк, а тут глупая девчонка крошит дурацким кряквам хлеб! Аж руки зачесались надавать ей как следует. Взяла моду мелкота – еде еду бросать!

Девочка, почуяв недобрый взгляд, встрепенулась, повернулась и глянула светло-синими глазами... Ох! Его путейское сердце, промасленное, закопченное, вдруг стало огромным, душа – белой-пребелой, легкой как пух, прямо упорхнула под вечерние московские облака.

Вопрос о нагоняе был снят. Назрел другой: как заговорить?

Ведь ей лет двенадцать, вряд ли тринадцать, и вон скрипочка – наверняка с пеленок в музыкальной школе. Ему же уже семнадцатый, он путеец, прокуранный, промасленный. Если подвалить к ней нахрапом, поди, испугается, убежит...

Тогда он просто помаячил в сторонке, куря и старательно не глядя в ее сторону, так, что чуть не окосел. Она распрощалась со своими утками и испарилась, унесенная вечерним ветерком.

Волшебница и фея.

Он все таращился туда, где только что была девочка. Ему казалось, что очертания хрупкой фигурки легким туманом маячат над золотой, чернеющей к вечеру водой.

Парень принялся шпионить. Убедился, что девочка в самом деле учится в музыкальной школе, что неподалеку, и проживает в детдоме всего-то за квартал от его берлоги. Судьба, решил он.

Выяснив, когда заканчиваются занятия, принялся «случайно» попадаться на пути, чтобы привыкала. А как иначе – им ведь до могилы вместе жить. Тактика сработала. Всего-то через неделю она уже робко улыбнулась, так же мельком глянув на него. С тех пор парень, возвращаясь домой, был счастлив. У него, помимо общей светлой цели, появилась собственная, тайная и манящая: заполучить самую прекрасную девочку на свете.

Хотя бы заговорить для начала.

Внешне ничего не изменилось, он ходил на работу, добросовестно исполнял положенное, выслушивал мат и ругань мастеров. А в сердце нарождались правильные, красивые, как в книжках, слова. Парень их запоминал, повторял и был уверен, что именно сегодня подойдет и произнесет их, как заклинание, – и непременно случится чудо.

Слова, заразы такие, не произносились. Он злился, давал себе зарок, что более никогда сюда не придет, – но к пруду тянуло магнитом. И ее тоже. Каждый раз он, проходя с независимым видом мимо, ловил на себе взгляд синих глаз – и ужасно трусил. Лишь упершись далеко-далеко, вслух произносил свои заклинания. Бормотал, как чокнутый, а девчата и одинокие гражданки, попадавшие на пути, разбегались от него, треща кустами.

Он злился на свою нерешительность, клеймил себя, называя трусом, твердо давал мужское слово: «Нынче вечером, кровь из носу, заговорю!» – и снова пасовал.

Потом вдруг в один из дней на знакомом месте ее не оказалось. Там, где она обычно кормила уток, работяги вкапывали новые скамейки. С горя он так и встал столбом. Какой-то старый хрен, увидев его, прикрикнул:

– Врос как пень! Помог бы.

Он даже не огрызнулся, столь велико было горе. Он был уже готов сигануть в пруд или глупую свою башку расколошматить вот хотя бы об этот ближайший дуб. Но тут на том берегу узрел знакомое светлое платье.

Ох, если бы не свидетели! Он бы прям так, в прозодежде и башмаках, шлепнулся в воду, помчался на ту сторону. Но шабашники насмешливо подсматривали, и ему, путейцу, надо держать фасон.

Сплюнув и закурив, он заправским работягой прошелся вдоль берега. Холодело под ложечкой от мысли о том, что она не дождетя. Дождалась! Парень на радостях грубо брякнул:

– Простынешь на траве сидеть. – И, спохватившись, протянул руку и назваля.

Она, опустив ресницы, отозвалась:

– Люба.

Он оплыл, как свечка, растекся рядом на траве, тоже принялся кормить уток припасенной горбушкой. И, как мечталось, уже через пять минут болтали так, точно знали друг друга лет сто.

Не было лучше девочки! Светлая, тихая. Вокруг нее как будто продолжали витать непонятные, берущие за душу звуки, которые она извлекала из своей смешной скрипочки. Она показала свое сокровище, торжественно открыв футляр. Парень смотрел с уважением.

– Хочешь, сыграю? – спросила она, а он по глупости отказался. Больше Люба не предлагала, она была слишком застенчивая.

Вообще он был видный кавалер, многие девчонки строили ему глазки, заигрывали. Он смущался, от робости огрызался и грубил. Любушка была робкая, краснела до смерти даже от пристального взгляда, а от пожатия руки чуть не плакала. Его так и распирало от желания заботиться о ней. А вот как? Футляр свой не доверяла, до дома провожать не разрешала – мало ли что подумают. Тогда он принялся носить ей из столовки хлеб, сахар, яблоки. Она стеснялась, но ела.

Потом вдруг на него нашло озарение! И, спеша на встречу, он сорвал на поляне два голубых цветка. Пес их знает, как они называются, но почему-то показалось, что они Любушке понравятся. Как раз под цвет ее глаз.

– На вот, – он протянул «букет».

Любушка переводила испуганный взгляд с цветов на него, а потом вдруг молча чмокнула его в самые губы – и исчезла.

Он так и сел. То есть на полном серьезе коленки пропали, ноги подогнулись, и он плюхнулся на траву. Цветы, что интересно, из рук не выпустил. Утки, увидев, что все утишилось, подплыли за привычной кормежкой, парень машинально принялся крошить им булку.

Что случилось? Обиделась? Испугалась? Застеснялась? Тут запоздало осенило: ну как можно было так оплошать! Чего, нельзя было три цветка сорвать?! По два цветка только на могилки кладут!

Тогда поцелуй при чем? Это что же, на прощание?!

Так он мучился невесть сколько, опомнился, лишь глянув на небо – мать честная, это сколько ж времени? Почти стемнело. Что ж, пора идти, завтра на работу. Парень побрел восвояси, едва волоча ноги... снова один-одинешенек! Шевелилось и беспокойство: в такое время, когда темнело, он никогда ее одну по парку не отпускал, всегда провожал. Причем не по кратчайшему пути – просто перевалить через железнодорожные пути, и там рукой подать до первых жилых домов. Обычно они, не торопясь, присаживаясь на встречающиеся скамейки, обходили по дуге Чертов пруд, оставляли его по левую руку, следовали по уединенной части парка,

по едва заметной тропинке. По пути встречались еще два безымянных пруда, которые летом сильно мелели, превращались в болота. Очень хороша на них была одолень-трава, или, как ее тут называли, – кувшинки.

Потом постепенно тропинка расширялась, вливалась ручейком в более оживленные дорожки, они выходили на просеки – и так до проезжей улицы. Вот там-то Любушка переходила через мост над железнодорожными путями, поворачивалась, чтобы помахать ладошкой, и убегала.

Можно было и ему отправиться напрямик, через пути, но парень решил пройти по их с Любой тропинке. И, сделав порядочно метров по уединенной просеке, над которой сводом сходились зеленые ветви, вдруг почувствовал смутное беспокойство. Он почему-то твердо решил, что она его ждет, а он тащится как телепень.

Парень все прибавлял ходу и вдруг увидел возле лавочки что-то белое, лежащее прямо в траве. Он подбежал, кинулся на колени, почему-то не сразу обратил внимание на то, что она без платья. Понял это лишь тогда, когда прикоснулся к голому плечу, ледяному, покрытому то ли росой, то ли испариной. Она лежала на спине, ноги согнуты в коленях. Распались веером по траве распущенные волосы, на которых синели – ну надо же! – два таких же василька, которые парень продолжал сжимать в руках. Голова неестественно запрокинута, шея вытянута. Две красные глубокие ямы зияли вместо лучистых синих глаз, кровавая рана – вместо маленького рта.

...Машина «Скорой помощи», которая возвращалась с выезда в одну из больниц, подобрала их – невменяемого парнишку, который тащил на руках мертвую изуродованную девочку. Немалых трудов стоило отобрать у него тело. Отдал и успокоился лишь тогда, когда догадливая фельдшер пообещала, что все «васильки» оставят ей.

– Это цикорий, – зачем-то поправила медсестра, но он не возражал:

– Хорошо. Все четыре?

– Все-все, – заверила врач, вкалывая на всякий случай ему успокоительное. Экипаж «Скорой» состоял из двух женщин плюс санитар за рулем, человек в возрасте, а паренек крепкий. Если начнет буйствовать, не сладят. Лекарство начало действовать, он одобрил, заметно обмякая:

– Это хорошо... на могилки же всегда четное кладут, да?

– Четное, четное, – заверила врач.

Сообща женщины уложили обоих на носилки, прикрыли одной простыней, больше чистых не было.

Некоторое время проехали молча, потом медсестра спросила:

– Неужели же он?

– Кто знает? – отозвалась фельдшер. – Разберутся. – И попросила санитаря: – Остановите у телефонной будки.

К тому времени, когда они прибыли в больницу, их уже ожидала опергруппа с Петровки.

...Настоящий убийца был уже далеко. Чужая обувь, на несколько размеров больше, сбила-таки одну ногу, но он все равно двигался бодро и уверенно.

Маршруты отхода давно и тщательно отработаны, намечены места, где можно отмыться, тщательно, с одеколоном, вычистить ногти, пригладить рассыпавшиеся волосы. Не то чтобы он боялся грязным выйти в свет, не прямо сейчас он собирался к людям, просто привык к опрятности. Очень любил он и чистые вещи – свои, не те, которые добывал на своих вылазках. Эти тряпки – платья, чулки и прочее – он оставлял себе на память, чтобы хотя бы мысленно возвращаться к жгучим, сладким воспоминаниям о своих триумфах. О том, как это все было с его новыми подругами, о том, как он был настоящим самим собой, могучим и всесильным, воплощал абсолютно все, о чем мечталось, что было интересно – а ему с детства было интересно, что у кукол под платьем. И вещи он любил.

Только что с этим футляром делать? Он уже осмотрел и оценил: в нем пустячная маленькая скрипка, да еще и с инвентарным номером. Таковую не снесешь на толкучку, перекупщики не рискнут взять.

Бросить, что ли? Но душонка восставала против подобного «варварства». Хотя все равно придется – и от скрипки, и от тряпичных трофеев избавиться.

Поджечь все к дьяволу?

Продавать тряпки он не станет, хотя на них и следа никакого нет, но он горд. Он и «сувениры», прихваченные у подруг, продавал с огромным трудом только ради тренировки, пробы. Он горд, и эту черту надо как-то изживать. Но ведь эти клуши на базаре, они смотрят так унижительно, сочувствующе – это на него-то, ха! Будь они помоложе, попадись на узенькой дорожке...

Есть и более серьезный резон: таскаться с узлами-вещами рискованно. Не ровен час, остановят для проверки или случайный прохожий увидит, заподозрит неладное.

«Ладно, по ходу дела решу». Размышляя о том, как быть дальше, он не забывал тщательно путать следы, точь-в-точь как писали в книжках. Кружил зайцем, делая петли, то и дело брызгал по ходу следа припасенным керосином, нарочито шлепал по лужам, болотцам. И вот, проделав порядочно километров, он добрался до своей потайной берлоги.

Это был дзот. Изучая местность, он как-то случайно набрел на него, облюбовал как склад и место отдыха. И очень удачно получилось! Дотов в округе было много, все уже были обнаружены и загажены, а этот дзот был чист, цел и укрыт отменно – потому его никто и не отыскал до сей поры.

Через осевшие остатки окопа он прошел ко входу, нагнув голову, пробрался через крошечную «прихожую», замешкался на пороге – две ступеньки вниз вели в камеру с амбразурой. В ней был свежо, ведь сохранившийся воздухопровод для отвода пороховых газов он лично вычищал. Тут же, по стенам, развешаны и трофеи, каждые на своей вешалке, сгруппированные по своим бывшим хозяевам.

Улыбаясь, он с наслаждением втянул воздух – и тотчас насторожился. Что-то было не так, лишнее. Зря все-таки амбразуру заделал, куда светлее было. Он чиркнул спичкой, сделал шаг вниз, второй – и тут неожиданно нога его провалилась во что-то упругое. Огромная черная туша, утробно взревав, выросла под потолок и ринулась на него!

Оглушительно заверещав, он бросился наутек.

...Опомнился уже у самой железной дороги. От бешеного бега сердце выпрыгивало, ватные ноги подгибались, стертые пятки гудели, голова раскалывалась, болело натруженное ором горло.

«Спокойно. Спокойно. Не хватало свихнуться. Это собака или другой какой зверь».

Машинально похлопал себя по бокам – и ужаснулся. Обе руки свободны! Где же добыча?! По карманам пошарил – вновь ничего. Хорошо бы вернуться, поискать пропажу, но он и думать об этом не хотел.

«Какая глупость! Так, спокойно... это не улики, не следы, это просто случайность, пустяк...»

Единственное, что надо делать, – уходить лесом.

Взбираясь вверх по насыпи, он принял решение: надо на какое-то время залечь на дно. Все три пробы прошли шикарно, и, когда все утихомирится, можно будет пойти дальше, решиться наконец... Он сглотнул, в животе стало тягостно-сладко.

«Все, все потом, сначала окопаться и понаблюдать. Пусть помаются, помечутся, убедятся в своей глупости и ничтожности, не то и рукой махнут – пропал и пропал. А со стороны понаблюдать будет интересно и полезно... с безопасной стороны».

И уже потом решаться на что посерьезнее, пора уж, не маленький.

Глава 1

Огромный лесопарк тянется от Бульварного кольца на окраины и далее, за пределы столицы. В нем легко заплутать даже недалеко от метро или от железнодорожных платформ, ведь помимо просек и аллей, уже нанесенных на планы, натоптано много потаенных дорожек. Какие-то известны лишь зверям, какие-то – местным завсегдатаям, иные – никому. С наступлением темноты чужак сориентироваться на них не сможет.

Несчастный мальчишка, утащив труп с места обнаружения, обязательно затруднил бы поиски. Но и.о. начальника опергруппы, лейтенант Введенская, знала, где искать, ведь она уже тут бывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.